

DOI 10.35775/PSI.2025.120.3.019

УДК 32.327

С.С. ГРИГОРЯН

аспирант факультета политологии
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва
E-mail: siuzannagrigoryan99@gmail.com

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПРОТИВОСТОЯНИИ ИРАНА И САУДОВСКОЙ АРАВИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Данная статья освещает проблему религиозных противоречий Ирана и Саудовской Аравии. Конкуренция за лидерство в исламском мире и претензии на легитимность приводят к напряженности между ними, усугубляемой несовместимостью ваххабитской идентичности Саудовской Аравии и шиитской идентичности в Исламской Республике Иран. Цель научной статьи – проанализировать роль религии в соперничестве двух государств.

В статье проведен анализ событий после революции 1979 года в Иране и арабской весны 2011 года, также рассмотрена роль негосударственных суннитских и шиитских акторов.

Автор также рассматривает роль религии как мягкой силы во внешней политике Ирана и Саудовской Аравии.

Ключевые слова: Иран, Саудовская Аравия, «Ось Сопротивления», «Щит полуострова», суннизм, шиизм.

После событий арабских восстаний 2011 года возрос интерес ко влиянию религиозных разногласий на соперничество между Эр-Риядом и Тегераном. В разногласия между шиитами и суннитами легло образование партии «Ши-ат Али» шиитами, которые признают Али законным наследником Пророка Мухаммеда. После первой фитны в 7 веке итогом стало поражение шиитов в битве при Кербеле. Сегодня в Иране отмечается день Ашура – день битвы при Кербеле. В этом и заключается шиитская идеология: «Кербела – поле битвы – вся земля, Ашура – день битвы не на жизнь, а на смерть». Можно утверждать, что произошла геополитизация идентичности в рамках соперничества, часто выраженная через инструментализацию религии для придания дополнительной глубины и обоснования определенным политическим позициям. Религиозная сфера является сферой противоречий, особенно когда используются определенные, основанные на религии нарративы идентичности. Тегеран использует хорошо установленные, основанные на религии темы борьбы с угнетением и противостояния угрозе, представленной Саудовской Аравией. Нарратив, изложенный Тегераном, нацелен на предотвращение реализации гегемонистских настроений

Саудовской Аравии. То, что затрудняет проникновение за этот религиозный «дымовой завес», это то, что ваххабизм и двенадцатый шиизм глубоко встроены в политические и социальные структуры каждого государства, при этом режимы и правящие элиты как Саудовской Аравии, так и Ирана полагаются на сохранение конкретной формы ислама, признанной на государственном уровне, для легитимации своей власти, формирования национальных проектов и принятия внешнеполитических решений. Эти идеологии играют ключевую роль в формировании идентичностей, которые часто основаны на угрозах, исходящих от «неверных» и регулярно использующихся как политический инструмент для достижения национальных интересов. Это было особенно актуально с 1979 года, когда исламская революция и последующее создание Исламской Республики Иран добавили теологическое измерение к уже существующей геополитической вражде [3. С. 126].

После арабской весны действия Эр-Рияда и Тегерана по оказанию определенной поддержки единоверцам по всему региону помогли укрепить представление о том, что регион охвачен межконфессиональной борьбой [4. С. 20]. Подобные опасения были подкреплены иранской концепцией «Шиитский полумесяц», который простирается от Персидского залива до Средиземного моря. Термин был впервые упомянут королем Иордании Абдаллой II в 2004 году из-за сообщений о возможном иранском вмешательстве в выборы в Ираке и стал использоваться для обозначения территорий, находящихся под иранским влиянием или контролем, поскольку Иран стремится объединить всех мусульман-шиитов под одним знаменем. Согласно примордиалистскому подходу, межконфессиональные различия, разногласия, в данном случае между шиитами и суннитами – неразрешимые и неизменные факторы. Однако такое объяснение соперничества между Саудовской Аравией и Ираном редко находит поддержку в силу того, что религиозный фактор не является ключевым. Но тем не менее, религиозные разногласия играют роль в распространении влияния в регионе Ближнего Востока. Саудовское Королевство опирается на систему, которая интегрирует политику с религией. Это означает, что экспорт ваххабизма исторически рассматривался как основополагающий элемент саудовской внешней политики. Однако во второй половине XX века это нужно понимать в контексте политики крупных держав, когда саудовская идеология и ее исламская идентичность были ключевыми в противостоянии угрозе секулярного панарабизма Насера. Роль Саудовской Аравии как защитника ислама по всему региону служила более чем одной цели, поскольку это укрепляло ее исламскую легитимность, а приход политических беженцев-исламистов оказался критическим для экономического и структурного развития Саудовской Аравии. Как и Саудовская Аравия, так и Иран связывают региональное превосходство с выживанием режима. Это означает, что их противостояние давно приобрело экзистенциальный характер. Иран часто ищет или поддерживает революционные изменения по всему региону. Транснациональная поддержка Ирана для ополченцев, шиитских партий и правительств соответствует союзам Рияда с другими суннитскими

правительствами, ополченцами и партиями, что переходит в политический «пинг-понг», который делит регион конфликтами между прокси и суннитскими коалициями, поддерживающими друг друга [7. С. 175]. Это взаимное недоверие проявляется в риторике и дискурсах обеих держав, поскольку Саудовская Аравия и ее союзники регулярно обвиняют Иран в поддержке террористических групп и ополченцев по всему региону. С другой стороны, иранские чиновники открыто обвиняют Саудовскую Аравию в финансировании терроризма по всему региону и в том, что она прислушивается к США. Такие обвинения подчеркивают ключевой компонент геополитической борьбы между этими двумя державами, которым является контрастирующее видение организации безопасности в Персидском заливе и более широко в регионе, поскольку Саудовская Аравия исторически поддерживает крепкие связи с США и другими западными державами, в то время как Иран сосредотачивается на своем собственном государственном суверенитете. Ислам является неотъемлемой частью внутренней и внешней политики Ирана и Саудовской Аравии. Это очевидно при изучении поведения во внешней политике, поскольку религиозная идентичность предоставляет возможности для развития отношений с религиозными группами за пределами государства. После исламской революции 1979 года Иран создал альянсы в арабском регионе, которые могут легко перемещать и мобилизовывать различных доверенных лиц, исходя из национальных и стратегических интересов Ирана. «Ось сопротивления» относится к неофициальной антиизраильской и антизападной политической и военной коалиции во главе с Ираном. В нее входят различные группировки в Палестине, Сирийской Арабской Республике и Ливане. Просирийские ополченцы-баасисты, иракские шиитские ополченцы, входящие в состав санкционированных иракским правительством Сил народной мобилизации, и движение хуситов в Йемене [2. С. 28], также считаются частью альянса. Например, Иран участвовал в создании «Хезболлы» в Ливане в 1980 году, которая выступает в качестве посредника Ирана в продолжающихся ирано-израильских конфликтах. Иран обеспечивает военными поставками движение ХАМАС в Палестине и поддержал создание Движения исламского джихада в Палестине в 1981 году. После арабской весны 2011 года Иран предоставляет хуситам в Йемене современное оружие с целью противодействия Саудовской Аравии на южном Аравийском полуострове [4. С. 206]. В дополнение к обширной военной поддержке Ираном шиитских ополченцев в Ираке, включая, но не ограничиваясь этим, силы народной мобилизации, известные как «Аль-Хашд аш-Шааби». Несмотря на то, что между Королевством и Ираном не было прямых вооруженных конфликтов, поддержка их ставленников является для обеих сторон еще одним способом продолжения соперничества в регионе. Для того чтобы сдерживать растущую популярность «Оси Сопротивления» в регионе Ближнего Востока и Северной Африки после войны с Израилем в 2006 году, Саудовская Аравия стремилась обеспечить безопасность от иранской угрозы и убедить мировую аудиторию и принимающих решения лиц из США в серьезности тех иранских действий, которые бросают вызов региональной

безопасности. Это подогрело опасения суннитов и арабских правительств относительно угрозы радикализации групп шиитов и иранского расширения. Что касается Королевства Саудовская Аравия, то государство практикует ту же стратегию поддержки своих союзников на другом уровне. Королевство считает себя фактическим лидером исламского суннитского мира, основанным на контроле над священными городами Меккой и Мединой. Во-вторых, Королевство выступило спонсором Международной исламской конференции в Мекке в 1962 году. В-третьих, Саудовская Аравия учредила Всемирную мусульманскую лигу, которая является организацией, занимающейся распространением консервативного ваххабитского ислама, за который особенно ратует правительство Саудовской Аравии, и продвижением исламской солидарности в Саудовской Аравии. Наконец, Саудовская Аравия привела к созданию Организации исламского сотрудничества в 1969 году. Королевство извлекает стратегическую выгоду из упомянутых исламских платформ, распространяя свою идеологию по всему исламскому миру [10. С. 163]. Королевство вместе с другими членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) оказывало финансовую и военную поддержку Ираку во время ирано-иракской войны, отчасти для того, чтобы осадить иранскую власть и ограничить или ослабить распространение иранской исламской шиитской революции в Персидском заливе [9. С. 126]. Свержение Саддама Хусейна в 2003 году способствовало росту влияния Тегерана в регионе Персидского залива, создавая угрозу для безопасности государств Персидского залива. Однако, Иран пытался отвергнуть традиционное восприятие Ирака как противника Тегерана и начал рассматривать национальную безопасность Ирака неотъемлемой частью своей собственной. Свержение Саддама Хусейна открыло путь для определенных шиитских деятелей в Бахрейне, таких как аль-Вефак, для установления трансграничной солидарности с ведущими шиитскими партиями в Ираке, включая Исламскую Дааву, правившую Ираком после вторжения США [10. С. 46]. Что касается сирийского кризиса, то с начала арабской весны в 2011 году королевство Саудовская Аравия предложило военную и финансовую поддержку оппозиционным партиям и повстанцам, выступающим против правительства Башара Асада. Кроме того, с начала арабской весны в 2011 году КСА осуществило военное вмешательство в войну в Йемене (операция «Буря решимости») в 2015 году. Эта операция проводится коалицией из девяти африканских и ближневосточных стран во главе с Саудовской Аравией в поддержку президента Йемена Мансура Хади против ополченцев-хуситов, поддерживаемых иранцами. Ливанский конфликт является частью ирано-саудовского конфликта через их посредников. Этот спор длится десятилетиями. Саудовцы рассматривают действия правительства Ливана как объявление войны из-за шиитских ополченцев «Хезболлы».

То, что происходило в Бахрейне во время арабской весны, имело непосредственные региональные последствия, поскольку требования оппозиции в Бахрейне также угрожали мотивировать саудовских шиитов выйти на улицы против власти Восточной провинции Саудовской Аравии. Более того, это давало

шиитским группам в Хасе и Катифе возможность удовлетворить свои политические интересы и утвердить свои права путем оказания давления на правительство для проведения политических реформ, организации забастовок и демонстраций. В условиях социального, религиозного и политического сближения между шиитами Бахрейна и Саудовской Аравии можно утверждать, что популярное восстание 2011 года имело четкие политические последствия для ситуации на Восточной провинции Саудовской Аравии. Однако, политическая власть в Бахрейне не рухнула во время арабских восстаний, главным образом из-за интервенции Саудовской Аравии путем направления сил «Щита полуострова» для защиты режима [6. С. 163]. В целом, поддержка их доверенных лиц привела к возникновению разногласий между Королевством и Ираном, и оба государства используют разные платформы для поддержки. Эти платформы включают государства, отдельных лиц, группы и организации. Кроме того, поддержка включает в себя различные области, такие как военные, финансовые и материально-технические поставки. В этих усилиях политика государств определяется идеологическим подтекстом, но она стремится расширить безопасность для государств, предотвращая формирование оппозиционных групп. Тем не менее, такой подход с трудом объясняет поддержку суннитского ХАМАСа шиитским Ираном [5. С. 204]. Хотя внешняя политика Ирана строится в соответствии с религиозными ценностями, это всего лишь один аспект многомерной внешней политики, в которой используется целый ряд различных идентичностей. Однако, это не означает, что религия одна определяет внешнюю политику, это – инструмент для осуществления такого рода власти, которая становится более острой, когда связи Тегерана и Рияда напряжены. Политическую роль, которую играет религия, нельзя отделять от внутренней и внешней политики государств по всему региону, поскольку она не только служит историческим инструментом легитимации конкретных режимов и правящих элит, но и формирует внутренние проявления инакомыслия, так же формирует поводы для вмешательства во внутренние дела государств. Что еще более важно, способ, которым государства включают религию – в данном случае ислам – в свою внешнюю политику и международное поведение, часто определяется внутренними соображениями о том, как идеология соотносится с политической властью. Проекция религии обычно в большей степени свидетельствует о состоянии баланса сил между конкурирующими социальными и политическими силами внутри страны, из которых она исходит, а не о намеренном выражении внешнеполитических целей. Религия интегрируется во внешнюю политику как форма «религиозной мягкой силы». При анализе источников и проявлений этой вражды становится ясно, что как Саудовская Аравия, так и Иран полагаются на использование силы религиозных символов и авторитета для достижения более крупных геополитических целей. Это означает, что религия становится как инструментом, так и пространством для выражения традиционных геополитических противостояний. Этот аспект становится ключевым при рассмотрении того факта, что Саудовская Аравия и Иран, будучи авторитарными теократиями, видят сохранение режима как неотделимую

часть религиозной легитимности. Учитывая долгую историю внутреннего недовольства и новые волны народных восстаний, с которыми сталкиваются обе державы, можно утверждать, что традиционные геополитические и внутренние обеспокоенности в основном определяют внешнюю политику Саудовской Аравии и Ирана, а не наоборот – отсюда и интеграция религии для дальнейшего формирования, и маскировки более широких геополитических целей. Религия является ключевым компонентом идентичности, внешней политики и выживания обеих держав, ее роль в формировании их геополитической конкуренции часто преувеличивается. Идеология и религиозная легитимность имеют значение, без сомнения, но то, что в основном подталкивает борьбу между Саудовской Аравией и Ираном, – это конкуренция за региональное лидерство и обеспокоенности по поводу безопасности. В заключение, давняя вражда между Саудовской Аравией и Ираном частично основана на религиозной конкуренции, она прежде всего является традиционной геополитической и существенной борьбой, которую не следует сводить к упрощенному пониманию исторического противостояния между суннитами и шиитами Ислама.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Азимов К.С.** Шиитский фактор в отношениях Саудовской Аравии и Ирана // Россия и мусульманский мир. 2020. № 1 (315).
2. **Газовская А.А.** Конфликт Ирана и Саудовской Аравии в контексте вооруженного противостояния в Йемене // Культура, философия, политика в социальном опыте 20-21 столетия: материалы VIII Международного Симпозиума молодых ученых, Белгород, 17 апреля 2020 года / Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2021.
3. **Диансаи Безад.** Иран и Саудовская Аравия на Ближнем Востоке: лидерство и межрелигиозная конфликтность (2011-2017) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 1.
4. **Кузьмин В.А., Соколов Н.В.** Противостояние Саудовской Аравии и Ирана на Ближнем Востоке в период «арабской весны» // Мусульманский мир. 2017. № 3.
5. **Мохаммад М.Д.** Саудовская Аравия и Иран: анализ основных факторов соперничества // ПОЛИТЭКС. 2014. № 4.
6. **Музыкина Е.** Место религиозной компоненты в ирано-саудовском конфликте // Россия и мусульманский мир. 2017. № 3 (297).
7. **Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Дорофеев Ф.А.** Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное лидерство // Свободная мысль. 2019. № 1 (1673).
8. **Ba Alawi Murad Mohammed.** Five years after the revolution. Yemen plunged into chaos // European journal of law and political sciences. 2016. № 1.

9. **Frederic Wehrey.** Saudi-Iranian Relations Since the Fall of Saddam. 2009.
10. **Simon Mabon.** Saudi Arabia And Iran. The Struggle to Shape the Middle East. 2022.

S.S. GRIGORIAN

Postgraduate student

Faculty of Political Science

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia

THE ISLAMIC FACTOR IN THE RIVALRY BETWEEN IRAN AND SAUDI ARABIA IN THE MIDDLE EAST

This article highlights the problem of religious contradictions between Iran and Saudi Arabia. The competition for leadership in the Islamic world and claims to legitimacy lead to tension between them, exacerbated by the incompatibility of the Wahhabi identity of Saudi Arabia and the Shiite identity in the Islamic Republic of Iran. The purpose of the scientific article is to analyze the role of religion in the rivalry between the two states.

The article analyzes the events after the 1979 revolution in Iran and the Arab Spring of 2011, and also examines the role of non-state Sunni and Shiite actors.

The author also examines the role of religion as a soft power in the foreign policy of Iran and Saudi Arabia.

Key words: Iran, Saudi Arabia, Axis of Resistance, Peninsula Shield Force, Sunni Islam, Shia Islam.